

Уголовное и уголовно- процессуальное право

СООТНОШЕНИЕ ДОСУДЕБНОГО И СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

О.А. Волторнист

Сразу после Октябрьской революции 1917 г. Советское правительство приступило к созданию новых органов государственной власти. Как указывает М.В. Кожевников, еще до издания Декрета о суде № 1 в ряде городов и губерний создавались суды под различными наименованиями: революционные народные суды, следственные комиссии (с функциями суда), суды общественной совести и др.¹ На образованные Декретом о суде № 1 местные суды было возложено рассмотрение как уголовных, так и гражданских дел. Согласно ст. 3 Декрета «впредь до преобразования всего порядка судопроизводства предварительное следствие возлагается на местных судей единолично». Вместе с тем в соответствии со ст. 8 Декрета при Советах были образованы Особые следственные комиссии для производства коллегиального предварительного следствия по делам о контрреволюционных преступлениях, подлежащих ведению рабоче-крестьянских революционных трибуналов². Однако в названном акте не содержалось норм, регулирующих организацию и порядок деятельности данных новообразований. В.С. Ломов указывает: «Процесс реализации первого декрета о суде имел две основные составляющие: ликвидацию института судебных следователей и следственных комиссий, созданных до принятия этого закона, и строительство следственных комиссий Советов, расследующих преступления, подсудные военному трибуналу»³.

Для рассмотрения наиболее важных дел, в первую очередь о контрреволюционных преступлениях, Декретом о суде № 1 были учреждены революционные трибуналы. Декретом ВЦИК от 29 мая 1918 г. был учрежден Революционный трибунал при Всероссийском Центральном Исполнительном

Комитете (ВЦИК), к компетенции которого были отнесены дела, изъятые из подсудности местных революционных трибуналов. Расследование по делам, передававшимся этому трибуналу, проводилось Следственной комиссией, состоявшей из трех человек, избравшихся ВЦИК. При Революционном трибунале ВЦИК учреждалась также Центральная коллегия обвинителей в составе трех человек, которые также избирались ВЦИК. Таким образом, органы и должностные лица, осуществляющие функции расследования, обвинения и принятия решения по существу, учреждались при едином органе — ВЦИК, что, несомненно, означало их полную зависимость от исполнительной власти, и обвинительный уклон в осуществлении своей непосредственной деятельности. Члены Коллегии обвинителей участвовали в заседаниях Следственной комиссии при рассмотрении вопросов о предании суду Ревтрибунала при ВЦИК лиц, в отношении которых возбуждалось обвинение в этом трибунале; давали заключения Следственной комиссии по вопросу подсудности и полноте произведенного следствия; вносили предложения Следственной комиссии о возбуждении дел; формулировали обвинение по каждому делу в Следственной комиссии при назначении дела к слушанию в Ревтрибунале ВЦИК и поддерживали публичное обвинение по всем делам в судебных заседаниях⁴.

Показательным относительно соотношения досудебного и судебного производства является процессуальный порядок рассмотрения уголовных дел Ревтрибуналом при ВЦИК. Поступавшие в трибунал дела рассматривались оперативно — не позднее семи дней со дня их поступления. При назначении дела к слушанию одновременно утвер-

ждалось и заключение следователя по делу, решались вопросы о вызове в судебное заседание свидетелей и экспертов, о допуске защиты и обвинения и другие вопросы. В распорядительном заседании дело могло быть прекращено, если во вменявшемся в вину деянии отсутствовали признаки состава преступления, либо направлено на дополнительное расследование, которое должно было закончиться в течение месяца. Возвращение дела на доследование возможно было в случае признания трибуналом такой неполноты произведенного следствия, которая не может быть восполнена на заседании трибунала. Утвержденное трибуналом обвинительное заключение следователя и решение распорядительного заседания сообщалось обвиняемому, а по истечении не более семи суток дело рассматривалось в судебном заседании.

Заседания Верховного трибунала проводились публично. Могли оглашаться показания свидетелей, не явившихся в судебное заседание, а также показания свидетелей *без вызова их в судебное заседание*. Примечательно, что стороны могли ссылаться на все без исключения документы и показания, приобщенные к уголовному делу, *независимо от их оглашения в судебном заседании*. Трибунал был правомочен, если признавалось, что обстоятельства дела в достаточной степени выяснены в ходе судебного следствия, не заслушав прения сторон, удалиться в совещательную комнату для постановления приговора. Таким образом, при рассмотрении уголовного дела в судебном заседании Верховного революционного трибунала зачастую происходило существенное ограничение принципа непосредственности. Н.Г. Смирнов объясняет такое ограничение, в первую очередь, условиями гражданской войны⁵.

Положением о народном суде РСФСР, утвержденным Декретом ВЦИК от 30 ноября 1918 г., производство предварительного следствия по уголовным делам, рассматриваемым народным судом с участием шести народных заседателей, возлагалось на уездные городские следственные комиссии. По остальным уголовным делам от народного суда зависело, ограничиться произведенным милицией дознанием или передать дело для производства предварительного следствия в следственную комиссию. В случаях, не терпящих отлагательств, производство предварительного следствия поручалось постоянному народному судье⁶.

Наряду со следственными комиссиями, состоящими при судах и трибуналах, расследованием общеуголовных преступлений занимались также ВЧК и органы милиции.

21 октября 1920 г. ВЦИК Положением о народном суде ввел должности народных следователей, избираемых губернскими исполкомами Советов и состоящих при Советах народных судей, а также

следователей по важнейшим делам при губернских отделах и наркомате юстиции. Для выполнения возложенных на следователя задач он наделялся соответствующими полномочиями, предварительное следствие проводилось народным следователем при содействии органов милиции и уголовного розыска, которые действовали в этих случаях по указанию и под руководством следователя⁷. Однако были и оговорки, на которые в свое время указывал Н.В. Жогин: «...следователь должен был расследовать преступления, ранее расследуемые следственными комиссиями. Но по остальным делам за судом было оставлено право либо ограничиться дознанием, проведенным милицией, либо передать дело народному следователю, либо поручить расследование народному судье, если случай был безотлагательным»⁸.

Важно подчеркнуть, что Декрет о суде № 1, «еще не определяя процессуального порядка деятельности советского суда, допускал в известных пределах сохранение старых дореволюционных процессуальных форм»⁹. Декрет о суде № 2 от 22 февраля 1918 г., изданный в развитие и дополнение Декрета № 1, уже содержал развернутое изложение принципов уголовного процесса и ряд процессуальных процедур. Декрет устанавливал состязательность судопроизводства, вводя участие обвинения и защиты на судебном следствии и «... в известной мере проводя принцип состязательности и на предварительном следствии (допущение защиты)»¹⁰. Кроме того, указанным декретом были закреплены такие принципы, как устность судопроизводства, право обвиняемого на защиту, обжалование и пересмотр приговоров по мотивам их несправедливости.

Законодательным актом, детально определявшим порядок и принципы судебного разбирательства в народных судах, стало «Положение о народном суде» от 30 ноября 1918 г. Согласно Положению в судебном рассмотрении дела допускается широкое участие обвинения и защиты. Защитники допускаются и на предварительном следствии, хотя их участие по постановлению следственной комиссии может быть ограничено, если этого требуют интересы раскрытия истины. На смену указанному законодательному акту пришло новое «Положение о народном суде», принятое 21 октября 1920 г., которое возложило производство предварительного следствия на единолично действующих народных следователей (вместо коллегиальных следственных комиссий). Кроме того, новое Положение устранило возможность участия защитника на предварительном следствии.

Следующим важнейшим шагом в направлении формирования законодательной базы уголовного процесса нового государства явилась разработка и принятие в 1922 г. Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, который менее чем через год был

пересмотрен и принят в новой редакции (УПК РСФСР 1923 г.). Данный кодифицированный акт прямо не определял, на каких принципах должно строиться советское уголовное судопроизводство. М.С. Строгович в учебнике уголовного процесса, основанном на УПК РСФСР 1923 г., в качестве принципов называл такие общие положения, как *гласность, устность, непосредственность и состязательность*¹¹.

Судебное рассмотрение уголовного дела проводилось в публичном порядке, в присутствии посторонних лиц. Допускались и исключения из принципа: в случае необходимости охраны государственной тайны; по делам о половых преступлениях. М.С. Строгович подчеркивает, что элементы гласности проникают также и в стадию предварительного расследования¹².

П.И. Люблинский, напротив, прямо указывает, что общим условием предварительного следствия является его *негласность* (курсив наш. — О.В.)¹³. УПК РСФСР 1923 г. считал возможным публичное оглашение данных, добытых предварительным следствием, лишь в том объеме, в каком следователь признает это необходимым (ст. 115).

Следует особо отметить, что УПК РСФСР в редакции 1922 г. допускал возможность присутствия сторон (обвиняемого, потерпевшего) при производстве следственных действий, «поскольку следователь не находил такое присутствие вредным для дела»¹⁴. Согласно ст. 117 УПК РСФСР 1922 г. обвиняемый и потерпевший могут присутствовать при осмотре, допросах и других следственных действиях и задавать вопросы свидетелям и экспертам. Следователь вправе отказать им в осуществлении означенных прав, если признает, что присутствие и участие их при производстве следственных действий может препятствовать раскрытию истины или сохранению в тайне тех сведений, преждевременное оглашение которых может помешать ходу предварительного следствия. В новой редакции УПК РСФСР 1923 г. указанная норма уже отсутствует, и вопрос о праве участия сторон при производстве следственных действий остается открытым. Но, как справедливо отмечал в свое время П.И. Люблинский, редакция УПК РСФСР 1923 г. прямо не запрещала следователю допускать стороны к присутствию и участию в следственных действиях. Так, ст. 78, говоря о протоколах следственных действий, упоминает о возможности присутствия сторон и обязывает следователя фиксировать их заявления и ходатайства.

Отсутствие гласности на предварительном следствии подтверждается еще и тем, что УПК РСФСР нигде не упоминал о праве обвиняемого и потерпевшего знакомиться с постановлениями и протоколами, составляемыми следователем. Обвиняемый, согласно ст. 228, знакомился с содержанием обвинения лишь в момент его предъявления, при-

чем кодекс не указывал, в чем оно должно состоять. Существовавшее в редакции 1922 г. право обвиняемого ходатайствовать о предъявлении ему всех материалов производства по делу при окончании следствия (ст. 211) в издании 1923 г. не упомянуто, хотя за обвиняемым сохранилось право ходатайствовать о дополнении следствия (ст. 207).

Несколько спорным является и утверждение М.С. Строговича о том, что одним из принципов советского уголовного процесса являлась состязательность. М.С. Строгович, характеризуя действие указанного принципа, дает подробное описание его реализации в судебном производстве. Вместе с тем, раскрывая механизм реализации состязательности на предварительном следствии, автор иллюстрирует его достаточно скудными примерами, совокупность которых не может служить основанием для того, чтобы рассматривать данное общее положение в качестве принципа уголовного процесса, пронизывающим все стадии судопроизводства. Так, М.С. Строгович указывает на наличие у обвиняемого процессуальных прав, используя которые он может защищаться от предъявленного ему обвинения. Других аргументов в защиту состязательного характера досудебного производства автор не приводит. Более того, М.С. Строгович сам отмечает относительно сущности состязательности: «Будучи основным принципом, определяющим характер важнейшей стадии процесса — судебного рассмотрения, судебного заседания... состязательное начало проникает все стадии и институты процесса»¹⁵.

Кроме того, согласно нормам УПК РСФСР 1923 г. обвиняемый не предупреждался о праве отказаться от дачи показаний, не предусматривалось и участие защитника на предварительном следствии.

Таким образом, используя современную терминологию, состязательность в период действия УПК РСФСР 1923 г., скорее, можно отнести к общим условиям судебного разбирательства, нежели к принципам уголовного процесса.

Принятые в середине 50-х гг. меры по устранению произвола и беззакония не затронули сложившуюся на протяжении предшествующих десятилетий систему взаимоотношений между досудебным и судебным производством, при которой контроль суда за предварительным следствием был крайне слабым и осуществлялся лишь при разбирательстве уголовного дела. Именно в пятидесятые годы, как отмечает С.А. Шейфер, сложилась и существовала много лет практика «штамповки» судом обвинительных заключений¹⁶.

¹¹ См.: Кожеевников М.В. История советского суда. М.: Юрид. изд-во Минюста СССР, 1948. С. 19.

¹² См.: История отечественного государства и права: Сборник документов. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2001. Ч. 2. С. 63.

³ Ломов В.С. Создание органов предварительного следствия Советского государства. Волгоград, 1978. С. 7.

⁴ См.: Смирнов Н.Г. Высшие суды революции (Центральные революционные трибуналы. 1918-1922 гг.). М.: Знание, 1990. С. 18-19.

⁵ См.: Смирнов Н.Г. Указ. соч. С. 21.

⁶ См.: Вахитов Ш.К. Место следственного аппарата в системе государственных органов // Сов. гос-во и право. 1988. № 2. С. 71.

⁷ См.: Николук В.В., Деришев Ю.В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России: Монография. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2003. С. 75.

⁸ Жогин Н.В. История развития и совершенствования предварительного следствия в СССР // Соц. законность. 1967. № 1. С. 10-11.

⁹ Строгович М.С. Учебник уголовного процесса. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. С. 64.

¹⁰ Там же. С. 64.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 58.

¹³ См.: Люблинский П.И. Предварительное следствие: (Общие условия производства предварительного следствия – Глава IX Уг.-Проц. Кодекса). М.: Право и жизнь, 1923. С. 5.

¹⁴ Там же. С. 8.

¹⁵ Строгович М.С. Указ. соч. С. 60.

¹⁶ См.: Шейфер С.А. Проблемы соотношения предварительного и судебного следствия по УПК РФ // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2003. № 4. С. 5.

ОБ ОТНЕСЕНИИ УВЕДОМЛЕНИЯ К ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ ДОКУМЕНТАМ

Ю.Е. Кайгародова

К величайшим открытиям человечества нельзя не отнести открытия в области языка. Умение общаться с помощью жестов, звуков, знаков для слов (которое формировалось на протяжении сотен тысяч лет) стало предпосылкой тому, что около 5000 лет назад шумеры изобрели письмо¹. Письменность, проникнув во все сферы человеческой жизни, не могла не затронуть и юриспруденцию, в том числе уголовное судопроизводство как одну из ее важных составляющих. Влияние письменности здесь развивалось в двух направлениях. Во-первых, она использовалась в законотворчестве, во-вторых — в правоприменении².

В настоящее время в УПК РФ, наряду с принципами состязательности (ст. 15), непосредственности и устности судебного разбирательства (ст. 240), гласности (ст. 241) и другими положениями, предусматривающими открытость, доступность уголовного процесса, имеет место и письменность, выполняющая общесоциальную функцию, являющаяся орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания участников уголовного судопроизводства³.

Анализ норм УПК РФ показывает, что осуществление уведомления допускается как в письменной, так и в устной форме. Из 121 случая извещения участников уголовного процесса, предусмотренного в УПК РФ, в 52 ситуациях письменная форма предполагается (например, обязанность направления копий процессуальных документов) либо прямо указывается. Примером может служить ч. 3 ст. 92 УПК РФ, в которой сказано, что о

произведенном задержании орган дознания, дознаватель или следователь обязан сообщить прокурору в письменном виде. В остальных предписаниях закона форма уведомления прямо не предусмотрена, т.е. решение вопроса о форме уведомления законодатель оставил на усмотрение правоприменителя. Не исключая применения устного способа уведомления, по нашему мнению, с точки зрения соблюдения принципов уголовного судопроизводства, а также прав и свобод участников процесса, предпочтение должно быть отдано письменному оформлению.

В теории уголовного процесса нет единого подхода к пониманию уведомления как процессуального документа, что позволяет вычлнить несколько воззрений. Первым обозначим традиционный подход, в рамках которого уведомление признается процессуальным документом и причисляется к числу прочих. Например, В.Т. Томин, Р.Х. Якупов и В.А. Дунин, выделяя протоколы, документы, фиксирующие решения полномочных участников уголовного судопроизводства, называют и прочие процессуальные акты, которые связаны с общением между различными участниками процесса⁴. К последней группе перечисленных документов, по смыслу определения, можно отнести уведомление, хотя авторы прямо на него не указывают. С.В. Бородин, обозначая письменную форму уведомления, относит его к факультативным процессуальным документам, которые в отличие от основных не получили столь полной регламентации